

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Егор Романович работает в лесу с четырнадцатью лет. Отлучался он с лесозаготовок только раз ? на войну. Был он на фронте командиром орудия, сначала сорокапятки, а затем, когда эти, по выражению фронтовиков, пугачи списали в утиль, командовал пушкой истребительной, полковой. Тот, кто был на войне, знает, что слабодушным людям такими орудиями командовать не с руки, потому как долго пробыть около них невозможно. Арифметика тут простая: раз ты истребляешь, то и тебя норвят активно истребить. Однако Егор Романович как-то ухитрился пережить несколько порученных ему орудий, хотя и придавливало его этими орудиями, и в землю взрывами закапывало. Домой он возвратился постарелым, израненным и со столькими медалями и орденами, что земляки, посмеиваясь, говорили, ? мол, Егору Романовичу хорошо: тонуть начнет ? не наμαστεя, сразу ко дну пойдет из-за металла! Но шутки шутками, а такого заслуженного человека постеснялись снова к пиле приставлять в качестве рядового рабочего и назначили сначала бригадиром, затем мастером, затем техноруком лесоучастка. Надо сказать, что все эти повышения Егор Романович принимал без особого чувства, потому что имел грамотешку малую ? и по теории, и по разным наукам ни в зуб ногой был. Однако лесное дело знал, людей уважал, и они его тоже, и дела на его участке ладилась, насколько они вообще могут ладиться в нашей аховой лесопромышленности. Жил Егор Романович после войны на Чизьвенском участке, а потом переехал на станцию, где центральная усадьба леспромхоза, потому что старшие его ребята подросли, уже устроились на работу при станции, средние учились в школе, да и Петеньку ? младшенького сына ? нужно было в садик определить. Петенька ? слабость Егора Романовича. Любил он его как-то не по-мужицки нежно и баловал страшно. Впрочем, такое было со многими фронтовиками, у которых появились дети после войны. Да и парнишка у Егора Романовича необычный, очень одаренный парнишка. И опять же, кому из родителей не кажутся свои дети каким-то чудом необыкновенным? Но как ни берег, как ни хранил сына Егор Романович, чуть было не погубил Петю злой человек. Как-то, еще когда Егор Романович работал мастером, возвращался он с лесосеки домой и версты за две от поселка встретила ему женщина. Во всю прыть мчалась она по дороге и кричала не своим голосом. Егор Романович остановил ее. ? Дерутся! Егор Романович, скорая! Поди, секутся уж! ? запричитала женщина. Егор Романович не стал дальше слушать, толкнул женщину в сани, и конь понес. В самом большом бараке лесного поселка шла драка. И не какая-нибудь кулачная потасовка, а драка зверская, с поленьями, табуретками, за которыми могли пойти в ход ножи и топоры. Неподалеку от лесоучастка был поселок алмазников. Рабочие туда набраны были со всего бела света, попадались головы вовсе отпетые, недавно отбывшие наказание в тюрьмах и колониях. Лесозаготовители тоже были вербованные отовсюду и тоже всякие. Пьянствовали они часто, опойно, вместе и врозь. И вот чего-то не поделили. Бабы и ребятишки толпились подле барака и скулили. Дверь в барак была распахнута, из нее валил пар, слышались грохот, ругань, крики о помощи... Егор Романович соскочил с саней, зачем-то кинул полушубок на снег, забежал в барак в кители, хватил о порог шапчонкой и с зычностью, для него неожиданной, гаркнул: ? Кто тут главный, в душу вас и в печенки? Подходи! Что тому было причиной ? неизвестно, но драка стала затихать, и под нары полетели поленья, бутылки, и ножики потом обнаружались даже. Не давая никому опаматоваться, Егор Романович рывкнул еще зычнее: ? Выходи из барака по одному! Ложись в снег! Когда волнение в поселке улеглось и, как водится у русских людей, битые и небитые стали с поддельной веселостью вспоминать приключившееся, кто-то любопытствовал: зачем же, мол, это ты, Егор Романович, велел выметаться из барака и ? главное ? для чего ложиться в снег? ? А черт его знает, ? пожал плечами Стрельцов. ? Что пришло первое в голову, то и крикнул. ? И, подумав, ухмыльнулся: ? Чтoб охолонули. Так понимаю. К вечеру Егор Романович доподлинно установил: причиной всех столкновений между алмазниками и лесозаготовителями являлась Зойка-буфетчица. Ей приглянулся электропилищик Самыкин ? буйноволосый, застенчивый парень. Она же понравилась Хычу ? разнорабочему алмазного участка, с месяц назад освободившемуся из заключения. Хыч ? личность довольно известная в этих местах и во многих других. Большую часть своей жизни он провел в тюрьмах и лагерях. Глаза у Хыча выпуклые, шальные, губы негритянские, в шрамах, на середине носа белый бугорок, вроде наклейки, зубов передних нет, говорит он с шипом, и когда оскалится, попятышься. Вот этот самый Хыч и был заводилой у алмазников. Он предложил Самыкину "по-честному" разыграть Зойку в карты. Электропилищик на такое дело не пошел, заявил, что любовь ? штука добровольная, очко тут бессильно и что гнул бы Хыч березу по себе, а от честной денушки отстал бы. Подумал, подумал Хыч и пошел в столовую, как он потом выразился, "фаловать" буфетчицу просто так или убедиться в том, чем это он, такой веселый мужчина с такую

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru
широкою и отчаянною натурой, хуже какого-то вербованного электропилищика. Зойка не пожелала слушать Хыча, надерзила ему, выгнала из столовой, бросив вдогонку счеты с такой силой, что рассыпались все кругляшки. Хычу не понравилось все это. Он привел в лесозаготовительный поселок дружков, началась пьянка, которая и закончилась дракой. Самыкин был на работе и, когда вернулся и узнал обо всем, попросил Егора Романовича перевести Зойку и его на другой лесоучасток, подальше от алмазников и от Хыча, поскольку тот жизни не дает, у них с Зойкой не игрушки какие-нибудь, а серьезные намерения на дальнейшую жизнь. Егор Романович всегда заботился о закреплении кадров в лесной промышленности, обещал Самыкину всяческого содействия в налаживании семьи и переводе на более спокойное местожительство. Вопрос как будто был утрясен, и все вроде бы наладилось. Вечером Самыкин играл в красном уголке в шахматы с шестилетним сыном мастера лесоучастка. Никто не поддавался сыну мастера в шахматах. Мальчишка и без поддавков жестоко колотил местных шахматистов, чем ошеломлял всю округу и почитался вроде святого. Егор Романович слышал, что с одаренными детьми всегда что-нибудь приключается, и к безмерной любви его к сыну примешивалась постоянная тревога. Поздно вечером, когда все "болельщики", потрясенные "хвеноменальной", но выражению одного вербованного белоруса, игрой мальчишки, покинули красный уголок, а Самыкин сидел и тупо смотрел на шахматную доску, проигрывая неизвестно какую по счету партию, сюда явился пьяный Хыч, закрыл дверь и вырвал топор из-под полы бушлата. ? когти рвешь, подлюга?! ? закричал он, с бешенством играя топором, и на губах у него запузырилась пена. Самыкин вскочил, загородился рукою. Хыч взвизгнул, распаяясь, и Петя внезапно увидел руку на шахматной доске. Рука сшибла фигуры, опрокинулась кверху ладонью и мелко-мелко продрожала каждым пальцем. Мозоли на ней разом изменили цвет, сделались желтыми. По доске расплылась кровь, заливая шахматные квадратики, стол, наполнилась кровью комната... Петю подхватило волной крови и понесло. Он закричал и схватился за голову. Судил Хыча выездной суд здесь же, в красном уголке лесоучастка. На суде Хыч вел себя с наигранной беспечностью и в последнем слове сожалел, что не насмерть зарубил Самыкина, но за ним, мол, не пропадет и Зойка никуда не денется, мол, в этих делах он до ужастии принципиальный. Хычу захотелось слова эти подтвердить и погугать собой кого-нибудь. И когда выводили его из красного уголка, Хыч вдруг ощерился ртом своим беззубым и такое охальное телодвижение сотворил в сторону женщин, что они повалились с крыльца и у одной молодухи чуть было не приключились преждевременные роды. Хорошо, что с выездным судом врач случился и при себе имел лекарства и приспособленья все. Он приостановил это дело, а Хычу сделал укол толстою иглой, после которого он совсем сделался бесстрашный и кричал нехоршее. "Люди! ? кричал он. ? Бдительны будьте! Я вернуся!" Так веселого и увезли его на подводе. Недели две только и разговору было на лесоучастке что про суд. Слух о суде, достигнув дальнего поселка леспромхоза, сильно видоизменился, и уже известно стало о том, что один семерых зарубил, а электропилищику из-за любви поотрубили руки и ноги, и теперь Зойка-буфетчица кормит его с ложечки, но все равно не покидает... Шли дни за днями, месяцы за месяцами. Случались и другие всякие дела и события. Про суд забыли. Петя долго боялся крови, боялся всего красного, даже осенних листьев. Но врачи и время сделали свое дело. Петя поправился, его определили в школу, и он стал лучшим учеником в классе. Однажды ездил он на областное соревнование по шахматам и побил там пенсионера-шахматиста какого-то, лишил его надежды на звание кандидата в мастера, сна лишил, и здоровья. Пете дали грамоту с печатью. Грамота до сих пор под стеклом в сельсовете висит. Самыкин отлежал в больнице, окончил курсы в городе и работает заведующим ремонтными мастерскими при центральной усадьбе леспромхоза. Зойка давно вышла за него замуж, родила двух сынов и зовет Егора Романовича кумом, хотя, как человек партийный, он согласия своего крестить ребенка Самыкиных не давал. Но Самыкины окрестили ребенка тайком и поставили Стрельцова перед фактом. От Окорихинского лесоучастка до станции километров тридцать. Однако Егор Романович все равно использовал самому себе назначенную льготу и на каждое воскресенье ездил свидеться с сыном ? Петенькой, с семьей, помыться в бане, отдохнуть. Как-то летнею субботой, покончив с делами, Егор Романович заседлал коня и поехал домой. У него была некорыстная с виду, мухортая лошаденка, с побитыми работой ногами, уже непригодная на лесовывозки. Конишка так привик к Егору Романовичу, а Егор Романович к конишке, что они хорошо понимали друг друга, и если случалось хозяину переложить за воротник, то он и засыпал на уютной спине мухортого. Конь привозил его домой, бил копытом в крыльцо, как сказочный Сивка-Бурка. Первым обычно выскакивал Петя, снимал с мухортого седло и насыпал ему овса за верную службу. В тот субботний день с лесоучастка Егор Романович выехал сразу после обеда, рассчитывая к вечеру быть дома и поспеть в баню. Мухортый шел споро. Они перевалили через седловину и оказались возле речки Свадебной. Начиналась она далеко, в крутом распадке, и

впадала в Чизьву километров на восемь выше Окорихинского поселка. Вот и речка оказалась позади. Мухортый вынес Егора Романовича еще на один перевал и пошел медленней, потому что утомился на крутом подъеме, да и тропа здесь едва угадывалась ? с нее легко было сбиться. Стрельцов не погонял коня. Он доверял ему в пути целиком и полностью. И надо сказать, Мухортый никогда не хитрил, и где как надо было идти, так и шел. Вольготно покачивался Егор Романович в седле и думал о том, что вот через месячишко возьмет отпуск и поедет с Петенькой в Москву. Денег он маленько подкопил, да еще премию, глядишь, получит за перевыполнение квартального плана Окорихинским участком. ? будет полный порядок. В зоопарк сходят, в цирк, в магазин "Детский мир", в метро, на Сельскохозяйственную выставку ? пусть смотрит малец на все чудеса, какие не довелось видеть старшим его братьям и сестрам. Они в войну росли, в трудные годы. Так же, как отец, рано стали зарабатывать свой хлеб. Выросли незаметно в трудах и заботах, живут уже своими семьями и детей своих имеют. Пусть за них за всех надивится Петенька на столичные чудеса. Пусть мороженого до отвала поест. Старшие в детстве его и не пробовали. Картошке были рады. А потом и Петя улетит из-под родительского крыла. Так уж в жизни ведется. Размышляя обо всем этом. Егор Романович тихонько напевал, как может напевать человек в лесу, зная, что его никто не слушает и никому он голосом своим не досаждаст. Ты привык с посторонними шататься, Ты привык посторонних любить. Надо мной ты пришел надсмеяться, Молодую мне жизнь загубить... Пел Стрельцов эту песню про одну недоверчивую женщину и не вдруг заметил, что поет он один, а птицы-синицы смолкли, притаились и в тайге сделалось сумеречно. Мухортый тревожно фыркнул, и тут Стрельцов очнулся и обнаружил перемены вокруг. Он приостановил Мухортого, огляделся и, пробормотав: "Что за оказия?", достал из кармана часы. С трудом разглядел он циферблат ? так быстро сгущалась темнота в лесу. Было четверть третьего, по-летнему почти полдень, а казалось ? настала ночь. "Неужто затмение?" ? пронеслось во встревоженной голове Стрельцова, но уже нельзя было ничего угадать, так темно сделалось в небе, и к тому же Егор Романович видел затмение, знал, что тишина в самом деле наступает, но уж не такая оторопная. Где-то вдаль, как будто в тридевятом царстве, послышался гул, и сделалось так темно, что теперь уже и головы Мухортого не видно было. Конь мелко дрожал под седлом и с места не двигался. Егор Романович слез с седла, и в это время над головой полоснула молния, потом другая, третья, ударил гром, налетел порыв ветра, лес качнулся и перекатно зашумел. Потом еще рвало черноту молниями, но уже ярче и понизу, гром бил оглушительней, деревья сплошь наклонились, заскрипели корнями, стоном застонали сушины. Вверху на сопке, как кость, хрястнула сухостоина и покатила в распадок с грохотом и бряком. И тут все смолкло и остановилось. Лишь вдали столь много сыпалось беззвучных молний, что они уже переплелись, как белые корни в подмытом яру. Тут только Стрельцова осенило, что надо как можно скорее утекать из леса на голое место, иначе зашибет. Он потянул за повод Мухортого. Конь неохотно сдвинулся с места, а вскорости начал делать ноги скамейкой, упираться. Егор Романович рассердился было на Мухортого, прикрикнул даже, но тут же сообразил, что Мухортый, пожалуй, прав: в такой темноте дважды два свалиться в распадок. А темнота все густела и надвигалась. На лес, на горы, на Егора Романовича с конем начала оседать сухая хвоя, удушливая пыль. Стрельцов закашлял. Мухортый тоскливо заржал. ? Что ты, что ты? ? боязливо похлопал по шее смиренного копя Егор Романович, и Мухортый притих, только перебирал ногами. Сквозь пыль пробилось несколько капель дождя. Они пулями хлестнули по коже седла и по лицу Егора Романовича. И тут же все озарилось ярчайшим бледно-голубым светом и ахнул гром. Вслед за этим рвануло лес, и на человека, на лошадь посыпались еловые шишки, сучки, и все так же густо шла в темноте пыль. Где-то уже совсем близко хрустели, стонали, трещали и лопались, как снаряды, гибнущие деревья. Сверкнуло еще ярче, еще длиннее. Егор Романович увидел над озарившейся сопкой, которая оказалась почему-то совсем близко, черные веретена и не сразу догадался, что это в огромной выси вьются выдернутые с корнем елки. И еще ему показалось ? на самой вершине сопки стоит человек с поднявшимися на голове волосами и словно бы молится, воздев руки к небу, как шаман. ? Мама родная! ? охнул Егор Романович. ? Неужто блазнится? Но сопка озарялась еще и еще, и Стрельцов теперь уже явственно видел на ней человека, призрачного в сполохах молний. Он бросился бежать к сопке. Он боялся, чтобы человек не исчез, чтоб не оказался видением. Он запинался, падал. Его било по лицу и царапало, хватало за одежду. Он вырывался, оставляя где лоскут рубахи, где телогрейки клочок. Дышать сделалось совсем трудно. Горло забивало пылью. Сердцу недоставало воздуха. Пот заливал глаза. Егор Романович быстро обессилел и свалился. Вокруг него рушилась тайга, бесновался ветер, гудела и выла куда-то несущаяся земля. ? Человек! Где ты? ? пересиливая себя, закричал Егор Романович, приподнявшись. И тут на него сверху с треском повалилось дерево. Он ощутил на

лице волну холода, гонимого деревом, закрылся руками и на время вышел из памяти. Очнулся, ощущал над собой и вокруг ? оказалось, упала пихта и задавила бы его, захлестнула бы, но угодила на прежде свалившиеся лесины, и накрест лежавшие деревья сдержали удар. Егор Романович рванулся к корню пихты. В спину ему впился сломленный сук. Ему распластало кожу на пояснице, но боль он чувствовал, как вспышку спички, и тут же перестал ее слышать, тут же страхом все погасило. В яме, подле вывороченного корневища, Егор Романович съежился котенком, стараясь как можно меньше занимать места и влезть поглубже в сыпучую, каменистую землю. Однако он опаматовал скоро, вспомнил про человека на сопке. "Может, изувечен? Может, в помощи нуждается? Может, это даже дите ? одно, в тайге? Пошел по ягоды ребенок и попал в этокое светопреставление?.." И лишь представился Егору Романовичу ребенок, а все ребенки на свете представлялись ему с обликом Петеньки, с его беспомощностью, ? Егор Романович перебежками, как в бою, двинулся к сопке, то озаряемой молниями, то проваливающейся во тьму. Он выбрался на лесную кулигу, где лежала прибитая к земле, белая в отсветах молний трава и никли головки словно бы стеклянных цветов. Мало читавший книг из-за слабой грамотности и вечной занятости, Егор Романович до этой минуты, до этой кулиги не сомневался в том, что разразилась буря над тайгой, и, хоть буря невиданная, страшная, он все же владел собою, и если боялся, то боялся как бури, и только. Но, увидевши стеклянную траву на кулиге, внезапно подумал он: "Да уж не война ли атомная началась?.." Ударенный такою мыслью, он тут же и подтверждение ее нашел: темь, гром, дышать нечем, цветы обмерзли, трава в последнем ядовитом озарении... И в катастрофе, постигшей землю, почему-то живой лишь он один... Да еще Петенька, бросившийся искать спасения у отца. Полагая, что жить ему осталось секунды, крохи какие-то ? атом же! энергия же! ? он хотел одного ? сыскать Петеньку, прижать его к себе, и коли умереть, исчезнуть с земли, то только вместе с ним... "Сыночек! Сыночек!" ? шевелил губами Егор Романович и, слыша свой крик, радовался тому, что он все еще живой и такое чудо, коли оно случилось, поможет ему докричаться сына, найти его. Он зацепился за что-то сапогом, упал лицом в холодную воду, и она обожгла его губы, нос, глаза, горло, жгучим, свинцовым потоком хлынула вовнутрь. И он опомнился, догадался, что лежит головою не в огне, а в речке и хватает воду губами ? и мысль его, рассудок светлеют от этой живой воды. Нет никакой войны, а буря, обыкновенная земная буря идет. И хотя еще громами, судорогой передергивало небо и крушило землю, он так же быстро убедил себя в том, что все приметы его оказались липовыми, бабами придуманными, и человек на сопке ему поблазнился. Петенька ни теоретически, ни практически там быть не мог, и жизнь идет себе дальше, и земля с курса не сошла. Облегчение расслабило Егора Романовича. Ему хотелось лежать, не шевелиться, дышать как можно глубже. Но он все же скатился под навес сопки, над которой грохотало и рушилось небо, лес, камень, потому что уже ощутил снова радость жизни и не хотел, чтобы его зашибло чем-нибудь. Под грудастой сопкой он, вздрогнув, наткнулся на человека, и у него послабело в ногах. ? Господи! Еси на небеси! Господи, дашь нам хлеба... ? молился человек, стоя на коленях. Должно быть, знал он молитвы не лучше Егора Романовича и, когда узрел его, рванул одежонку на груди и двинулся на Стрельцова: ? На!.. Бей!.. Криста!.. ? И тут же отпрянул в темноту навеса, зубы у него клацнули. ? Боженька! Хых, боженька-а-а! "Свихнулся", ? испуганно определил Егор Романович. Сверху рухнуло дерево, и за ним сыпанули камни. Стрельцов упал под скалу, смял трясущегося человека. Тот начал судорожно барахтаться, вывертываться. ? Не шевелись! Задавит! ? закричал Егор Романович. Человек ослабел под ним, усмирился, но вдруг резко крутанулся, вскочил. ? Ты кто? Ты кто? Бей! Карай! Карай, говорю! ? А сам поднял камень и, если бы Егор Романович не сцапал его за ногу и не уронил, наверное, разможил бы ему голову. ? Не блажи! ? ткнул кулаком в живое Егор Романович. ? Человек я! Человек! ? челове-ек! ? всхлипнув, повторил за ним незнакомец и прижался к Егору Романовичу, обхватил его за шею и дышал в самое ухо сыро, прерывисто. ? Человек! Не бросай! Погибаю! Один погибаю! ? Успокойся, успокойся, ? хлопал по спине незнакомца Егор Романович и пошутил даже: ? А что, если б Бог-то отреагировал на призыв твой да покарал? Зовешь не подумавши! Совсем уж полегчало на душе у Егора Романовича после этой шутки, и он постыдился той блажи, что лезла ему в башку всего лишь малое время назад. Когда незнакомца перестало трясти, Стрельцов прокричал ему в ухо: ? Лошадь у меня, Мухортый. Ты не бойся. Жди... ? Не пуцу! ? незнакомец намертво вцепился в лохмотья Егора Романовича. ? Не пуцу-у-у... ? Экий ты какой! ? подосадовал Стрельцов. ? Как тебя кличут? ? Хых я. ? Кто-о?! ? Стрельцов сгреб его за грудки, притянул к себе. Молния, как нарочно, припоздала, частила, дергалась где-то за сопкой. Егор Романович провел рукой по лицу незнакомца и почувствовал под пальцами мокрый с наклепкой нос. ? Так вот ты где встрелся! Молись! Сейчас уж взаправду молись! В это время к ним под навес

скалы придвинулось что-то большое, темное и всхрапнуло. ? А-ай! ? взвизгнул Хыч. ? Вот оно! Вот оно! Егор Романович оттолкнул Хыча, схватился за это всхрапнувшее, темное. Пальцы его потонули в длинной, жесткой шерсти. "Черт, што ли?" ? похолодел Егор Романович, и, понимая, что опять какая-то блажь одолевает его, все крепче и крепче впивался он пальцами в жесткое и мокрое. Но тут мягкие губы коснулись щеки Егора Романовича, и он с радостной облегченностью закричал: ? Мухортый! Мухорточка мой! Бросил я тебя, гад! Бросил, гад! ? и тащил Мухортого за гриву к себе в укрытие, как будто зайчиком тот был. Конь послушно прижимался к людям, лез глубже в смоляную темень и так придавил Егора Романовича и Хыча, что те едва дышали. Так они и лежали под скалой, в кромешной тьме, в одуревшем и взбесившемся мире, ? два человека и конь. Хыч что-то кричал, давился рыданиями. Егор Романович не слушал его. Он трепал Мухортого за ухо: ? Ничего, Мухортый, ничего. Скоро уж, скоро... ? Что-то вспомнил, сильно дернул Хыча за ногу: ? Нож отдай! Нож! Хыч притих, потом завозился, нашарил в одежке, послушно отдал ему плоский предмет ? это был носок литовки, обмотанный на изломе чем-то клейким, должно быть изоляционной лентой. Стрельцов запустил изделие Хыча в темноту. Ураган шел на убыль. Трещало, ухало и хрустело вокруг меньше. Молнии трепетали еще нервно, но гром уже не раскалывал небо над головой, не шипел, как взрывной шнур перед ударом, рокотал сыто и ворчливо где-то выше и дальше. Но могло меньше трещать и потому, что уже нечему было трещать. При вспышках молний виделись на месте тайги только обломки деревьев, высокие пеня, полуободранный подлесок да униженно склоненные ободранные березки с необыкновенно яркими сейчас стволами. Хыч зашевелился и попытался высвободиться. ? Лежи! ? дакнул его Стрельцов. Полосой резанул короткий и злой град. Крупные, с голубиное яйцо, градины щелкали по камням, рикотели от скалы и обломанных деревьев, обивали еще только разгорающиеся кисти рябин и уже перезрелую малину. Сделалось бело. Побитая ураганом, врасплох застигнутая градом природа на какое-то время оторопела. Потом посыпался невеселый дождь, и белые шарики града начали сереть, обесцвечиваться, уменьшаться. Отовсюду засочились, поползли червяками друг к дружке хилые ручейки. Они убыстряли бег, прибавляли резвости и шума, скатываясь по распадкам к речке Свадебной. Дождь густел, струи его делались прямой, отвесней, и скоро ухнул ливень. Внизу заговорила речка Свадебная, понесла в Чизьву мутную воду и лесную лось, загремела плитняком, принялась завихряться в свежих вымоинах. Ветер утих. Молнии сверкали уже далеко и коротко. Гром рокотал глухо. Звуки его сливались с грохотом камней в речке. В небе, меж стремительно летящих туч, появились глубокие разводы. Егор Романович похлопал Мухортого по шее. Конь встал. Вслед за ним поднялся и хозяин. Из камней высочил мокрый, тощий зайчишка, присел неподалеку и огляделся с недоверием. Тайги не было. Разбитый, истерзанный, нагроможденный в кучи бурелом белел свежими ранами. Наносило дымом пожара. Видимо, ливень и град прошли узкой полосой и не затушили деревья, подожженные молниями. Распадки студено парили. Ущелья выдыхали холод тающего града. Стояла мертвая тишина. Гремели только речки. Все нарастающий гул речек был грозен. Слепая сила разъярившихся не к поре потоков этих действовала так, что хотелось смириться со стихиями, отдаться им и тихо умереть. Однако разбитый, оцепенелый лес встряхивался и оживал. Первыми появились птицы, мокрые, нахохленные; послышались их жалобные голоса. Одни птички металась, что-то отыскивая в лесной мешанине. Другие уже и не пытались ничего искать, а отряхивались, ощипывались. Бездомовая кукушка буднично роняла в гибельную тишину гулкий, одинокий голос, и то там, то тут с лязгом осыпались земля и камень, с облегченным шумом срывались с завалов подломленные деревья и успокаивались навечно, коснувшись земли. Из-за сопки вышел лосенок, повел мокрыми ушами, отряхнулся и бросился в распадок, соскальзывая на камнях и смешно припадая на куцехвостый зад. Что он там увидел? Не мать ли родную, большую и добрую лосиху? Егор Романович вышел из-под захоладовавшей скалы под частую капель и знобко передернул плечами. Хыч неподвижно сидел в укрытии, в густой тени. Сверху бойко капало, и прямо у ног Хыча начинались ручейки. Панический страх, вбивший его почти в беспамятство, ушел вместе с ураганом, который еще отстреливался вдали и смахивал жизнь с гор, волоча за собой хвосты дыма, жалясь молниями. Стрельцов наломал через колено хрупких сучьев, отодрал лоскуток бересты и долго возился, дул, чертыхался, пока развел костер. Он снял с себя изодранную одежду, пристроил ее подле огня. Потом нарвал листьев чемерицы и принялся вытирать израненную кожу Мухортого. Голый до пояса, Егор Романович занимался делом и как будто не замечал Хыча, а только осторожно, как лекарь, вытирал царапины на покорном коне и что-то ворковал ему доброе, успокаивающее. Под лопаткой у Егора Романовича был потемневший от холода шрам. Раздвоенная лопатка двигалась одним заостренным углом, туго, до белизны натягивая кожу. На шее Егора Романовича тоже был шрам в фиолетовых прожилках, засмоленный солнцем. По этим старым ранам Хыч лишь скользнул взглядом. Он увидел у самой поясицы Стрельцова свежую, заеложенную

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru

мокрой одеждой кровь. Она уже запеклась и почернела на бугристом позвонке. "Фасонит или в самом деле рану не слышит?" ? подумал Хыч и поехал. ? Почто к огню не идешь? ? повернулся к Хычу Егор Романович. Хыч ничего не ответил, отодвинулся дальше. ? Наизготовке держишься? Ищут? Все одно найдут. Сушись. Хыч подавленно молчал. У него было такое ощущение, будто он голый стоял перед Егором Романовичем и тот видел его таким, какой он есть, ? с кривыми костистыми ногами, с распоротым пузом. Было дело, полоснул он легонько себя по брюху лезвием, зная, впрочем, заранее, что умереть ему не дадут, а авторитет его среди лагерной братвы укрепит еще больше. Кроме того, можно будет поваляться в больнице и не ходить на работу. Хыч был и остался докучливым клиентом тюремных властей и грозой заключенных. Он гордился тем, что еще с этапов о нем докатывались вести до тех колоний, куда он следовал. Его старались сплавить подальше, с рук долой, в другие колонии, только чтобы не иметь с ним никаких дел, не сторожить этого бандюгу, мечтающего только об одном ? о побеге. Со временем он и сам почти уверовал в свое бесстрашие и этой уверенностью подавлял корешков своих, а жестокостью, самодурством глушил в себе остатки совести и трусости, о которой один он только и знал. Кем-то брошенные слова о том, что храбрость ? это не что иное, как умение прятать трусость, ? вполне к нему подходили. Он был паясник, ловко маскировался языком и кривлянием и ходил в лагере с двумя кличками: Артист и Хыч. Он привык жить по нехитрому правилу: подминать того, кто слабей, и покоряться скрепя сердце до поры до времени тем, кто сильней, кто имеет власть. Но то ж люди с ружьями, с собаками, с суровыми законами. Чем же подавил его этот невысокий, да и не шибко крепкий человек? Что было в нем такое, чего не мог понять и преодолеть Хыч? Что обезоруживало, вселяло смуту в душу? Хыч и прежде, еще по лесоучастку, знал: Стрельцова на арапа не возьмешь! Его надо бить из-за угла. И хотя Хыч был здоровее Егора Романовича и, наверное, ловчее, встать и пойти грудь на грудь с голыми руками он не решался, а нож ? самое надежное оружие ? Стрельцов отобрал у него. Неловко, позорно, до бешенства стыдно Хычу. Он, как на репетиции, готовясь к действию, оскалился, во рту его, на месте выбитых зубов, зачернела пещерка, и, взвинчивая себя принужденно, двинулся на Стрельцова. Егор Романович не отпрянул к костру, не попятился. ? Ну? чего скалишься? Спятил? Может, в штанах мягко, так вытряхни. Ободранный, посиневший Хыч был жалок, а птица с русалкою в когтях на его груди походила на курицу. Да и сам он походил на курицу, и насмеяться даже над ним было неинтересно. Давеча, когда сгреб Егор Романович за грудки Хыча. мелькнула мысль столкнуть эту падаль вниз ? там, в распадке, забьет его камнями, затянет илом, лесным хламом, и никто не узнает, куда делся Хыч. Будут неприятности у начальника лагеря и у начальника охраны, но и они вздохнут с облегчением, если уверятся, что исчез навсегда этот никому не нужный вражина с земли. Не столкнул, не поднялась рука. ? Разболокайся, сушись и колено перевяжи, ? досадуя па эту ненужную и неуместную жалость, сердито приказал Егор Романович. ? Дай уйти! ? Зачем? Хыч не ответил. Он и сам не знал ? зачем? И никогда такого вопроса себе не задавал. Ему просто надо было повольничать, тайгой нанюхаться, до людей добратся, достать одежку, документы и... побегать, поехать... Как зачем? Покуролесить. Свободойдохнуть, свободошкой, запретной, заманчивой, хотя и ничего не обещающей, кроме погони и страха быть пойманным, быть выданным и снова водворенным в лагерь. Добавят срок, дадут нагоняй. Но все это ерунда. Все это привычно. Зато лагерные корешки с восторгом слушать его будут, лучшее место на нарах, пузырек одеколona, почет и уважение ему за мужество и отвагу. И зависть, зависть... А он наговорится, понаслаждается славой, и снова начнет ждать удобного момента, и снова мечту о побеге будет носить в себе, как женщина носит дитенка, испытывая тревогу и непонятную другим людям сладость. В этом и была настоящая сущность его жизни, полная ожиданий, полная риска, никому, правда, ненужного. И разве понять эту жизнь таким духарикам, как этот израненный, небось даже и в кэпээ не сидевший мужичок ? лесной начальничек? Чтобы понять вкус свободы, надо потерять ее прежде. Ах, свобода, свобода! Вот она, рядом, и на пути всего лишь этот мужичок. Да неужто он?... ? Зачем? ? повторил вопрос Егор Романович, и Хыч поморщился, туго придумывая, что сказать. Егор Романович вытер ладонью затрепетавшего от удовольствия коня, снял с него седло, потом сел подле огня, закурил и стал сушить изодранные штаны. Курева Хычу он не предложил, хотя у того и загорелись глаза жадностью. Стянув сапоги, Егор Романович приспособил на палочки портянки и задумчиво уставился на огонь. ? У людей и без тебя горя и бед хватает, ? не дождавшись ответа, сказал он и показал на огонь: ? Иди уж, грейся, скрючился как цуцик. Оттого что Егор Романович не дал закурить и говорил с ним так обидно и никакого страха и злобы не показывал, Хыч вдруг заныл, стал кататься по камням и колотить себя кулаками по голове. ? Эк избаловался! ? глянул через плечо Егор Романович и досадливо покачал головой. ? Семь побегов! ? выл хыч. ? Я дохлятину ел!.. Баранину-у-у! Копченую-у-у! Знаешь, что это? ? И вдруг бросился на Егора

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru

Романовича, растопырив пальцы с грязными ногтями: ? Уйди с дороги, фрайер! З-задавлю! В мешке, копченого, унесу! Егор Романович пихнул Хыча ногой, рванул подпругу от седла и вытянул его по морде. Потом лупил уже по чему попало, приговаривая: ? За дохлятину! За баранину! За пакость! ? Обессилел. рывкнул задышливо: ? Нишкни! ? Рывкнул так, что Мухортый прижал уши и переступил, а Хыч тоненько, по-щенячьи заскулил, забившись снова под скалу: ? На свободу хочу, дяденька-а-а... На свободу... ? "Дяденька"! ? яростно передразнил Егор Романович и показал на его голову с лишаями седины. ? Ты погляди на себя! Мы ж, поди, одногодки, а ты ? "дяденька"! Вон она, твоя свобода! Вся на башке! Каждый побег мохом пророс. Зачем жизнь-то промотал? На, закуривай, ? резко сунул он Хычу старый, сделанный из алюминиевого поршня портсигар. Хыч утерся рукавом и неуверенно взял портсигар. Повременил, глядя на Стрельцова, вдруг засуетился, выхватил щепотку махорки, сделал самокрутку. На крышке портсигара заметил полустертые буквы и с трудом прочел, шевеля побитыми губами: "Егору ? другу-фронтвику ? на вечную память". Захлебнувшись дымом, закашлялся было, но опять скосил глаза на портсигар, пытаясь что-то осмыслить. "А-а, это у него старые раны, с фронта". ? Гляди, читай, ? положив на камень портсигар, кивнул Стрельцов. ? Земляк подарил, шофер нашей батареи, Митякин Петр. Сына в память его нарек. ? Егор Романович помолчал, горько выдавил: ? Погиб хороший человек. Погиб не за-ради того, чтобы всякая вша... ? и тут же остановился, прервал себя: ? Отправимся, пожалуй, хватит разговору. ? куда? ? куда надо. Ты что думаешь, я тебя отпущу, думаешь, добреньким сделался, табачку дал? ? Сердито, рывками Стрельцов принялся натягивать на себя еще парящую рубаху. ? Спину-то перевязал бы, ? буркнул Хыч, незаметно подобравшись к костру. Он жадно дохлебывал дым из мокрого окурка. Даже здесь, в лесу, курил он украдкой, из ладоней. Егор Романович разорвал майку, сунул лоскуты Хычу и, пока тот неумело обматывал его спину, касаясь холодными руками тела, все глядел перед собой безотрывно. Далекое солнце удивленно пялилось с небес на разгромленную землю, над которой устало парило сыростью и вспухали густыми облаками над расщелинами речек туманы, расползаясь по горам, укрывая разбитую тайгу. ? У тебя хоть родные-то есть? Отец, мать, жена, дети? ? спросил Стрельцов. Хыч зубами ловко затянул узелок на спине Егора Романовича и уныло шмыгнул носом. ? Нету. Никого нету. Безродный я. ? Безродный? Почему? Хыч пожал плечами, протянул руки к костру, долго и неподвижно сидел и глядел на огонь. Была какая-то первобытность в его позе, и больно было оттого, что ничего-то он не понимал. Мог часами глядеть вот так на огонь, и в этом полусне, в бездумности этой было гнетущее наслаждение, тоска о неведомой жизни и еще о чем-то недоступном его голове. ? Жись так распорядилась, ? выдохнул он со свистом полой частью рта, и, разжалобив себя таким вступлением, продолжал Хыч: ? С голоду в двадцать первом родители померли. Хорошие были... Да, хорошие! ? звонко выкрикнул Хыч и заторопился: ? Мать ? учительница, детей арифметике учила. Отец ? анженер. Да. Машины придумывал! Всякие, разные, ерапланы и трактора, и еще сеялки, хых, пшеницу сеять, да! "Чисто дитя, ? с грустью заключил Егор Романович, прилаживая оторванную подпругу к седлу. ? Как начнет врать, так и хых. Небось касаемо тюремных дел, там ? как рыба в воде. А о себе даже сбредить не умеет. Заколodило, верно, ум-от". Однако говорить Хычу он не мешал. А тот уже вел рассказ о том, как однажды влюбилась в него "до ужастии" дочь одного "ба-альшого" человека, и такая она была раскрасавица, и такая у них любовь пошла, какой свет не видывал. "Слышал я уж про это. Слышал не раз", ? отворачиваясь, улыбнулся Егор Романович. ? Не веришь? ? удивился Хыч. Он был, как шаман, чуток к перемене в настроении людей, к интонации, к жестам и мимике. Видимо, выработалось в нем такое чутье на допросах и в беспокойной, требующей постоянной напряженности арестантской жизни. ? Нет, почему же? Говори, говори. Да покороче. На лесоучастке в прошлые годы таких, как Хыч, полно бывало по вербовке, и все их манеры, уловки, рассказы о себе точь-в-точь совпадали с тем, что повествовал Хыч. Эта дочь "ба-альшого" человека заколет себя серебряным кинжалом или в море кувырнется вместе с собственным "ахтомобилем" после того, как "милого заметут за одно крупное дело". Мелких дел они не свершают, по карманам не лазят, белье с веревок не снимают, пайки не тянут, а только все по банкам да ювелирным магазинам работают. ? Выходит, жизни-то у тебя и не было, ? оборвал он Хыча на самом интересном месте, и тот остался с открытым ртом. ? Выдумка одна и пакость. Сколько тебе годов? ? Сорок четвертый, кажись, пошел. ? Я бы все пятьдесят дал. Износился попусту. Попробуй-ка сызнова начать все. Суши лопоть-то, суши да колена замотай. На вот, ? подал он ему носовой платок. ? Чего начинать-то? Все уж кончилось. Срок вот добавят. А я убегу. Опять убегу, ? подняв разодранную штанину и затягивая платок на разбитом колене, буркнул Хыч. ? До сроку-то чего осталось? ? Год. ? и ты убег? ? Ушел, хых. ? и не дурак ты после этого? Не дурак, а? Хыч, как нищий, протянул сморщенную ладонь. Егор Романович дал ему портсигар. Сворачивая самокрутку, Хыч опять смотрел на

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru

надпись. ? Эт что! ? с вызовом, что-то заглушая в себе, вскинулся Хыч, возвращая портсигар. ? На Севере отбивал, полтора месяца оставалось ? и оторвался! До войны еще. Пальцы отморозил. Нету у меня на лапе пальцев, ? шевельнул он правым ботинком. ? Такая моя натура! ? Ну и дура ? твоя натура. ? Егор Романович поглядел на исшрамленные губы Хыча. ? Дали жизни? ? Еще как! ? без унылости, даже с непонятной рисовкой произнес Хыч. ? При побеге стреляли. Нос вон пулей чиркнуло наперек. ? Оправили, жалко. ? Чего? ? Вправо, говорю, взяли. Левей и чуть повыше надо было. Стрелки тоже! Ну, двинули! ? Не боишься? ? Глаза Хыча сузились до бритвенного остря. Под этим взглядом, бывало, даже лагерные урки скисали, кроликами становились. ? Кого? Тебя? ? с обидной усмешкой обрезал его взглядом Егор Романович, надевая седло на Мухортого. ? Я эсэсовцев видел, с автоматами, и управлялся с ними, пока ты по тюрьмам жизнь свою берег... Острый взгляд Хыча потух, он покатал ботинком камень, застеснялся распластанной штанины, попытался связать ее надорванными ключьями и не связал, отступился. ? Я тоже хотел на фронт. Просился. Сбегал даже. Изловили. ? Он опять покатал камешек. Внезапно наклонившись, бухнул его в огонь так, что разлетелись угли. ? Огонь при чем? ? покосился на него Стрельцов. ? Врешь ведь? Опять брешь? Захотел бы, так достиг. ? Правда, не пущали, ? уныло вытер рукавом перебитый нос Хыч. ? Видишь вот, и оружие тебе доверить не могли. Опасались ? к немцам мотанешь или мародерничать начнешь. Так ведь? ? Может, так, хых... ? Хыч выругался. ? Во, во лаяться ты умеешь. А больше ничего. Пошли. Ты поздоровее меня, не валялся по госпиталям и кровь все больше чужую лил. ? Голос Егора Романовича повысился. ? И пошагаешь у гривы коня. Я поеду. Маятник иззубрился. Стучит... ? Он подвел Мухортого к камню, с трудом забрался с него на седло, покоробленное огнем. Мухортый ковылял по заваленной тропинке над речкой Свадебной, то и дело соскальзывая на вымытых плитах, опасно косясь вниз, куда осыпались из-под копыт камни. Хыч придерживался за сосульками обвисшую гриву коня и о чем-то думал. Люди молчали. Разгромленные леса тоже молчали. Шумела только речка Свадебная, к которой они постепенно спускались. Попискивали редкие пичуги да недовольно фыркали Мухортый, уже научившийся вроде бы ничему не удивляться и все же удивленный переменаами местности и особенно тому, что повернули назад и зачем-то спускаются с гор. Хыча одолевала гнетущая сонная усталость. Вялые, обрывистые воспоминания наплывали из далекой пустоты. И не понять было: когда что произошло ? вчера или сегодня, а может, давным-давно. И все об одном и том же, все об одном и том же: о тюрьмах, о побегах, о разноликой хевре, прижившейся в колониях, как в родном доме. И в то же время глаза Хыча обостренно видели все вокруг. Нос по-звериному тонко улавливал запахи, уши не пропускали ни одного, даже чуть слышного звука. Глаза, нос, уши его не умели отдыхать, в них было вечное животное беспокойство, они существовали как бы в отдельности и вышколенно вели свою службу. Тропинка пошла по срезу горы. Подковы Мухортого защелкали громче. На мшистых косогорах и спутанных кореньями осыпях улыбочиво поблескивали румяные сыроежки. Из-под хвои, почуяв сырость, рыжики выпрастывали любопытные, тугощекие рожицы. Появились пупырышки опять на пнях, и совсем уж расклюнявились маслята. Грибам было хорошо. А ягоды обило. Вся тропа облита красными каплями малины, костяники, княженицы и волчатника. Мертвые, полуголые мыши лежали на тропе. Вроде старой утерянной шапки валялось выпавшее из дупла гнездо. Возле обрыва, свесив крыло, с судорожно сведенными когтями оцепенел мокрый ястреб. Хыч пнул ястреба, и грозная птица тряпкой полетела вниз, шлепнулась в речку, и ее закрутило, понесло по коричневой воде. Пнул он ястреба просто так, без умысла, а память уже подсунила случай. В молодости в далеком сибирском городе (название его Хыч уже забыл) очистил он квартиру и пробирался с узлом к реке ? упрятать барахлишко в старой барже. В сквере напоролся на милиционера, врал ему о том, что разошелся с женой и перетаскивает манатки. Милиционер не верил, велел следовать в отделение. Хыч весело шагал впереди коня, болтал о том, какая у него негодная жена, какие она ему интриги выставляла, несмотря на всю его заботу и любовь до трепету. А сам сбавлял да сбавлял шаг. Возле обвалившегося яра он вдруг с ревом: "лягавай, кобылу схавая!" ? бросился на шею лошади и услышал, как внизу, на камнях, она горестно заржала уже с переломанными ногами. "Вислоухий мильтон попался!" ? отметил Хыч без всякого, впрочем, торжества и злорадства. Вспомнил и вспомнил. А когда-то о таких его подвигах легенды ходили среди воря, а он шибко гордился собою. Мухортого с седоком можно спустить в Свадебную таким же образом ? и уйти. Ищи-свищи! Но почему-то не было уж того диковатого порыва, а главное, навалилась на него сонливая эта усталость или что-то другое. Хотелось самому шагнуть влево ? и загреметь вниз и кончить всю эту волынку, называемую жизнью. Хотелось, но силы и решимости не было. Много лет на свете прожил Хыч. Семь побегов успел сделать. В этот, восьмой, побег собирался долге, нерешительно. Ихватило его лишь на несколько часов. Он очень рано сдался, рано угасла в нем та напряженная, острая

гибкость и находчивость, которая помогала перехитрить погоню, выводила из самых невысказанных положений. Сколько уносил он с собой злости на людей, живущих там, на воле. На воле он делался сатаной, беспощадным, жестоким и смелым до того, что сам себе удивлялся. И почему-то особенно лютая злоба нападала на него, когда наступало какое-нибудь веселье, когда людям становилось хорошо. В праздники он просто не мог найти себе места. Тупое, яростное бешенство клокотало в нем, когда динамик на столбе посредине лагерной ограды начинал греметь торжественными маршами и оттуда возбужденные, приподнято-праздничные голоса извещали о параде войск, о проходивших колоннах, о ликующих людях, вразнобой кричавших "ура!". Ничего этого никогда Хыч не видел, ходил только в арестантских колоннах и, может быть, потому особенно больно ощущал именно в праздники отщепенчество свое, острее чувствовал, как жизнь обделила его, обошла стороной. В праздники он грозно таскался из барака в барак, искал водку и однажды согласился отрубить себе три пальца за литр. И сделал бы, наверное, это, если бы начальник колонии не узнал откуда-то о его намерении и не засадил Хыча куда следует? передурить. Водку в колонию приносили расконвоированные в резиновых грелках, засовывая их под брюки, или провозила шоферня в запасных баллонах. Иногда удавалось напиться. Напившись, Хыч напускал на себя кураж, бродил по колонии и заедался на заключенных до тех пор, пока ему не "обламывалось". Потом он яростно и дико гремел в карцере, потом постепенно успокаивался и приходил в "норму". В последние годы в колониях навели порядок, и таким, как Хыч, хоть волком вой. На столбе радио, посреди ограды клумба с белеными кирпичами, на клумбе аютины глазки и разные другие цветы. Привозят кино, свежие газеты, библиотека появилась, ремеслу стали учить и грамоте. Не по душе все эти штуки были Хычу, раздражали они его, терялся он в такой жизни. Привык к одичалости, к жестокости, чему можно и нужно было постоянно сопротивляться. А тут видали: кругом проволока, псы свирепые, будки сторожевые и посреди цветочки? картина! Как-то напился Хыч и растоптал эти лупоглазые цветочки, аютины глазки, будто собак сторожевых. Отсидел, конечно, за цветы, а потом его же заставили клумбу налаживать и рассаду садить? в порядке воспитания. Наладил, посадил и харкнул в самую середину клумбы? подавитеся! А то еще был случай. Вечером все заключенные вдруг высыпали из барakov и уставились в небо и чего-то там высматривали. Хыч тоже глядел. Было много звезд, а на звезды Хыч любил смотреть и привык смотреть, ? это вечная отрада заключенных? смотреть на звезды и томиться душой, думая о чем-то далеком, неведомом. Неожиданно среди этих звезд появилась еще одна, крупная, яркая. Она вылетела из-за горы и пошла над рекой Чизьвой, и все закричали: "Летит! Летит!" Хыч изумленно глядел на непривычно восторженных людей, на заключенных, стрелков и тюремную обслугу. Все смешались, все кричали, махали руками, пальцами в небо показывали. ? Кто летит? Чего летит? ? тормозил Хыч стоявшего рядом паренька. ? Спутник летит! Хотел отлупить этого сосунка Хыч и не отлупил, ушел в барак, залез на пары, упал вниз лицом. Над всем миром летел спутник, даже над колонией летел. Вот тогда-то Хыч и предложил три пальца за литр. Его хотели избить, и он тоже хотел, чтобы его избili, скандала хотел. Неужто цветочки эти, спутники да ураган этот доломали его? Быть может, он сломился раньше? Пожалуй, раньше. Уж слишком долго он колебался, перебарывая себя, и на это ушел весь заряд. Он "переболел" бы побегом, если бы не ураган. Месяца два уже минуло с тех нор, как началось "это". Оно начиналось всегда одинаково: тяжким, дубовым комлем давило плечи, душу, всего давило. На Хыча наваливались вши, с которыми уж никакой бane было не сладить, и его переводили в изолятор. Хыч делался угрюмым, молчаливым, терял аппетит, начинал бояться своего прошлого. Хотелось ему удавиться по-поганому? на кальсонах. От "этого" мог вылечить только побег, только несколько глотков свободы, и больше ничего. Охрана в колонии знала, как начинается "это" у Хыча и ему подобных. За ним зорче следили, на работу отправляли под усиленным конвоем, надеялись, что "переболеет". Ведь ему осталось отбывать в заключении только год. Да и возраст уже перевалил за ту черту, когда люди задумываются о жизни своей и на смену безрассудству приходит чувство усталости и запоздалое раскаяние. В последние дни Хыч заметно повеселел, вши с него схлынули. Он переселился в общий барак. И если бы не ураган... ..В колонии загрохотало, погас свет, завывли и попрятались собаки, уронило ограду, уронило одну, другую сторожевые будки, разбило прожекторы, с одного барака сорвало крышу, поднялась сутолока. Ну как тут было не уйти! И он сам не заметил, как очутился за зоной, вскарабкался на гору, потом на другую, бежал, пока не занялось сердце. Думал? началась обычная уральская гроза, какие бывают здесь часто, что она скоро кончится и он пойдет и погуляет на волюшке! Однако не раз у него возникало смутное желание вернуться. Но тут наступило затишье, темное, гробовое, и предчувствие беды погнало его дальше, в горы, в тайгу. Или минувшие месяцы поколебали его, или прошлая жизнь, но все в нем притупилось, замерло, как замирают соки в дереве, кончившем рост. Егор Романович

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru

прихватил его голым, совсем-совсем голым и... слабым. Таких людишек Хыч и сам всегда презирал. "Видно, съел зубы! Кранкель подходит!" ? подумал Хыч и обернулся. Егор Романович сутулился в седле, устало закрыв глаза, под которыми набрякли темные мешки. Лицо Стрельцова посерело, осунулось. Сердце, которое он назвал давеча маятником, видно, в самом деле иззубрилось. Они спустились в устье Свадебной и поехали от нее вверх Чизьвы по покосам, где разбросало, разнесло недавно сметанные стога. Верхушка одного стога кружилась в заливчике. В окошенных ивняках рыхло висели изрешеченные градом листья купырей. На отмелях задрало седым исподом голенастое лопушье копытников. Роняя капли, по траве ползали мокрые гусеницы да жуки с купеческими задами, утерявшие свои норки и дома. Один косорогий жук угодил под ботинок Хыча и хрустнул, как спичечный коробок. Над водой косым дымком клубилась мошкара. Ее хватала шустрая рыбешка щекля да белобрюхие береговые ласточки. Они суетились, кричали озорно, счастливо, особенно веселые, особенно стремительные сейчас, в легком, послегрозовом воздухе. Бревна на Чизьве позагоняло в заливы, повыбрасывало на низкие косы и обмыски. "А что, если ураган зацепил участок?" ? очнулся Стрельцов и тронул повод. Мухортый мотнул головой, но шагу не прибавил. Устал коняга, да и ранки на его коже кровоточили. На них роились мухи. Конь вяло сбивал мух хвостом и нервно подрагивал кожей. Егор Романович не решился больше подгонять коня, ведь предстояло еще возвращаться на участок. Надо было слезть с седла, но Егор Романович чувствовал себя разбитым, и такая нудь была в теле, что не хотелось даже рукой двинуть. "Людей надо посылать. Наш лес с верхних делян остановило. Не увижу Петеньку до другого воскресенья. Хоть бы дома-то все в порядке было". Егор Романович еще раз окинул взглядом реку и остановил его на спине Хыча. Тот словно бы споткнулся, встал и, помешкав, проговорил: ? Дай еще закурить. Закуривал Хыч долго. Отдавая портсигар, задержал взгляд на надписи. ? Возвращайся, Стрельцов, я дойду тут один. ? Он еще помедлил. ? Видно, путешествия мои кончились. Езжай, может, и на участке неладно. ? Хыч отвернулся, поморгал часто, будто дым от сигарки в глаза попал. ? Премии за меня все равно не дадут. Я пойду. Уже близко. ? Он смотрел на застигнутую градом лягушку, лежавшую кверху дряблым брюхом. Высвобождаясь из забытья, она поводила одной, другой резиновой лапой, наконец опрокинулась и уставилась пучеглазой мордой на реку, видимо, не узнавала родной местности. ? Ты вот что, ? угрюмо обронил Егор Романович, миновав лягушку взглядом. ? Скажешь, что у нас работал, на сплаве работал и зашибся, ? кивнул он на забинтованное колено. ? Фельдшер, мол, задержал, а тут буря... Я позвоню. ? Так и поверят! Разевай рот шире! ? Мне-то поверят. Хыч пожал плечами: твое, мол, дело ? и побрел прочь. Прошел с километр, обернулся. Егора Романовича не было. "Ишь ты! ? вяло усмехнулся Хыч. ? Доверие оказал! В прежние леты меня пустил бы одного-то... А может, другой дорогой тащится? Поверху идет и следит? Да мне-то что!" Но Егор Романович уже не следил за ним. Он приближался к участку, к своему хозяйству, и другие заботы занимали его. Однако ж и заботы эти, и дела, которые обступали его уже со всех сторон, не могли заслонить собою мыслей о том, что случилось в тайге. "Почему так зряшно жил человек? ? лумал Егор Романович. ? Для чего-то ж он на свет родился? И не умри родители, жизнь его по-другому пошла бы... Большинство воров сиротство да голод производят. Но я тоже голодухи хватил, и ребята мои хватили. Значит, не всяк силу имеет преодолеть искуса ? не украсть. Есть люди слабые и от слабости крадут. Слабому всегда помочь можно. Вот чего уж нельзя прощать вовсе, это когда сытый ворует. Вреднящий это вор, судить его надо беспощадно. А голодного накормить бы надо, погодить бы упрятывать его за решетку. Она кого исправляла, а кого и уродовала. Для таких же, как Хыч, тюрьма родным домом сделалась. Они там свою жизнь устроили. Но времена меняются. Так куда же с Хычом деваться? Мы ж его породили, а не дядя. Наш это назем ? и его либо счищай с сапог и думай, что сапоги наши всегда чистые были. Либо..." Мухортый, неуклюже подбросив зад, перемахнул через толстое бревно, сбил мысли Егора Романовича, и они пошли по другому руслу, да и рабочих он увидел на реке. Они уже вышли с баграми, раздергивали заторы. В поселке тарахтел движок. Егор Романович зачмокал губами, стукнул задниками сапог в бока Мухортого, и лошадь чаще запереступала ногами, заскрежетала подковами по мелкой гальке. А Хыч в это время уже миновал гривастый утес и по тропинке, протесанной арестантами в утесе, спуускался вниз. Сразу же за поворотом, на пологом берегу, он увидел колонию, очертаниями отдаленно напоминающую острог. В ней тревожно лаяли собаки, торопливо стучали топоры, звенели дисковые пилы ? заключенные ремонтировали свое обрыдлое жилье, порушенное ураганом. 1964

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Астафьев Виктор Петрович Восьмой побег astafevvictor.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!